

человек загадка

Борис
СОКОЛОВ

ВЕРНЫЙ ПЕС
БРИТАНСКОЙ
КОРОНЫ

ЧЕРЧИЛЬ

Человек-загадка

Борис Соколов

**Черчилль. Верный пес
британской короны**

«ВЕЧЕ»

2014

Соколов Б. В.

Черчилль. Верный пес британской короны / Б. В. Соколов —
«ВЕЧЕ», 2014 — (Человек-загадка)

ISBN 978-5-4484-7262-6

Уинстон Черчилль вошел в историю Великобритании как самый яркий политик XX века, находившийся у власти при шести монархах – начиная с королевы Виктории и кончая ее праправнучкой Елизаветой II. Он успел поучаствовать в англосуданской войне и присутствовал при испытаниях атомной бомбы. Со своими неизменными атрибутами – котелком и тростью – Черчилль был прекрасным дипломатом, писателем, художником и даже садовником в своем саду в Чартвелле. Его картины периодически выставлялись в Королевской академии, а в 1958 году там прошла его личная выставка. Черчиллю приписывают крылатую фразу о том, что «историю пишут победители». Он был тучным, тем не менее его работоспособность была в норме. «Мой секрет: бутылка коньяка, коробка сигар в день, а главное – никакой физкультуры!»

ISBN 978-5-4484-7262-6

© Соколов Б. В., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Детство и юность	6
Лейтенант королевской армии	14
Из военных в политики	24
Счастливый союз	26
Предвоенные годы	30
Начало Первой мировой	32
Неудача в Дарданеллах	34
Новый старт	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Вадимович Соколов
Черчилль. Верный пес британской короны

© Соколов Б.В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Детство и юность

Сэр Уинстон Черчилль, без сомнения, принадлежит к числу самых выдающихся деятелей человечества. Его заслуженно считают самым великим из британских премьер-министров. Ведь именно Черчилль смог выиграть Вторую мировую войну, тяжелейшую из всех войн, которые когда-либо вела Британия. Причем он пришел к власти в тот момент, когда после краха Франции многим наблюдателям положение Англии казалось безнадежным и многие не исключали эвакуации британского правительства в Канаду.

Черчилль был весьма успешен в дни войн, Первой и Второй мировой, когда ему пришлось играть важную политическую роль. В дни мира его достижения были куда скромнее, хотя и не были отмечены явными провалами. Жизнь и политическая карьера Черчилля изобиловали драматическими поворотами, но он всегда стойко переносил удары судьбы. Хотя он дважды менял свою партийную принадлежность, были определенные принципы, которые он отстаивал всегда. Черчилль утверждал: «В моей стране представители власти гордятся тем, что они слуги государства; быть его хозяином считалось бы позором».

Сэр Уинстон мог назвать себя счастливым человеком. Он достиг в политике если не всего, то многого, чего хотел. Ему удалось создать антигитлеровскую коалицию и привести Англию к победе во Второй мировой войне. Правда, он так и не смог сохранить Британскую империю, но здесь он не мог противиться неумолимому ходу истории. Но он преуспел в создании и сохранении после войны англо-американского союза, ставшего основой НАТО и создавшего условия для противостояния советскому блоку.

Уинстона Черчилля признавали не только выдающимся политиком, но и великим литератором. Он был удостоен Нобелевской премии по литературе за свои произведения и прежде всего за шеститомные мемуары «Вторая мировая война». Думаю, это лучшая книга о минувшей войне, хотя она, разумеется, субъективна, как и любые мемуары, и призвана оправдать все дела его автора и выставить не в лучшем свете его оппонентов.

Дворец Бленхейм

Уинстон Черчилль родился 30 ноября 1874 года в родовом дворце Бленхейм. Его мать преждевременно разрешилась от бремени, поскольку перетанцевала на балу и едва успела добежать до гардеробной комнаты. Ее муж винил в этом местного вудстокского врача, недосмотревшего за беременной леди Черчилль. Отец Уинстона, лорд Рэндольф Спенсер-Черчилль, был третьим сыном Джона Уинстона Спенсера-Черчилля, 7-го герцога Мальборо, и многолетним депутатом британского парламента. По этой линии будущий британский премьер был потомком знаменитого полководца конца XVII – начала XVIII века Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. Уинстон написал его биографию «Мальборо: его жизнь и время».

Мать – леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером – была дочерью богатого американского финансиста. Таким образом, в жилах Уинстона текла как британская, так и американская кровь. Так что само происхождение диктовало ему добиваться прочного англо-американского союза, хотя отношения родителей были далеки от идиллических.

В отличие от отца, мать Черчилля не отличалась аристократическим происхождением. Зато у леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером, было другое немаловажное преимущество – она была дочерью простого американского миллионера, а семейство Черчиллей давно уже не было богатым, и третьему сыну герцога Мальборо не светили ни титул, ни достойное упоминания наследства. К тому же Дженни была одной из первых красавиц своего времени. Королева Румынии Мария свидетельствовала: «Леди Рэндольф обладала ослепительной красотой, ее скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза ее были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы – иссиня-черными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была очень оживленной и много смеялась, показывая белоснежные зубы и всегда выглядя счастливой и хорошо проводящей время».

Ее отец, Леонард Джером, крупный биржевой игрок, основатель Американского Жокей-ского клуба, владелец акций «Нью-Йорк таймс» и Тихоокеанской почтовой пароходной компании, а также театра на Мэдисон-авеню, друг и деловой партнер знаменитого мультимиллионера Корнелиуса Вандербильта, был потомком изгнанного из Франции гугенота Тимоти Джерома, высадившегося в британских колониях в Северной Америке в 1717 году. За масштабные спекуляции нью-йоркской недвижимостью Леонарда Джерома прозвали «королем Уолл-стрит». Свадьба Дженни и Рэндольфа в 1874 году была одной из первых свадеб британского аристократа и дочери американского миллионера. Молодая чета получила 3600 фунтов в год, из них 2500 гарантировал отец невесты, предоставивший капитал в 50 000 фунтов в приданое. Он же оплатил долги Рэндольфа в 2000 фунтов. Однако в дальнейшем из-за неудачной игры на бирже финансовые дела Леонарда Джерома ухудшились, и он несколько лет не мог помогать дочери в прежнем объеме. Брак же с Рэндольфом перерос просто в дружескую связь в 1886 году, когда супруги стали жить раздельно, обзаведясь любовницами и любовниками. Но Рэндольфа, подававшего большие надежды парламентария-консерватора, успевшего побывать министром по делам Индии и канцлером казначейства, погубил сифилис – сухотка спинного мозга свела его в могилу в 1895 году в возрасте 45 лет. Мать Уинстона не слишком долго горевала. В 1900 году она вышла за капитана шотландской гвардии 26-летнего Джорджа Корнуоллиса-Уэста, который был моложе ее на 20 лет и был ровесником Уинстона. Через 14 лет супруги развелись, чему способствовали финансовые проблемы Дженни. В 1918 году она вышла замуж за 41-летнего миллионера Монтегю Фиппен Порча. В 1921 году Дженни упала с лестницы и сломала ногу. Началась гангрена, и врачи не смогли спасти леди Рэндольф Черчилль.

Сэр Рэндольф Черчилль

У Уинстона Черчилля был младший брат Джон Стрейндж (Джек) Спенсер-Черчилль (1880–1947). Поговаривали, что его настоящим отцом был Эвелин Эдвард Томас Боскауэн, 7-й виконт Фальмауз, умерший в 1918 году. Джек был профессиональным военным. В годы Первой мировой войны он дослужился до чина майора, был награжден французскими орденами – Военным крестом и орденом Почетного легиона. После войны Джек стал бизнесменом в Сити. Они были очень близки с Уинстоном, и Джек с семьей частенько гостили в поместье Чартвелл.

Родители, занятые бурной политической и сексуальной жизнью, почти не уделяли Уинстону внимания. Как пишет германский историк Дитрих Айгнер, «между сыном и отцом не могло возникнуть чувства близости, так как сначала у лорда Рэндольфа почти никогда не было времени для своей семьи, а позднее не было желания понять другого человека, даже своего собственного сына. Мальчик тяжело переживал отсутствие отца, но еще больше он страдал оттого, что с ним рядом не было его матери».

Воспитание Уинстона было возложено на его няню Элизабет Энн Эверест, о которой он сохранил самые теплые чувства до конца жизни. Она прощала ему детские шалости и жалела за то, что он заикался и не выговаривал нескольких букв. В дальнейшем Уинстон успешно избавился от этих природных недостатков и стал одним из наиболее выдающихся ораторов своего времени. Кстати, он с детских лет очень любил играть в оловянных солдатиков, не подозревая, что в будущем ему придется руководить настоящими многомиллионными армиями. А тетка Черчилля вспоминала, что Уинстон, еще будучи ребенком, говорил, что обязательно пойдет по пути отца, чтобы стать премьер-министром.

1 ноября 1882 года Черчилль поступил в привилегированную школу Сент-Джордж в Аскоте, плата за обучение в которой составляла 150 фунтов за год (когда Уинстон стал лейтенантом, его годовое жалованье было только 120 фунтов). Школа гарантировала поступление в самые престижные колледжи, например в Итон, где традиционно учились представители рода Черчиллей. Но в Сент-Джордже были узаконены телесные наказания, и Уинстон им регулярно подвергался, поскольку в детстве терпеть не мог дисциплину. По воспоминаниям одноклассника Черчилля искусствоведа Роджера Фрая, в результате порки «попки несчастных мальчиков превращались в кровавое месиво». Остальных школьников сажали около открытой двери в библиотеку, где проходила экзекуция, чтобы они, «дрожа от страха, слушали вопли» наказуемых. Через год учебы Черчилль оказался по дисциплине на последнем месте в классе. Его учителя утверждали, что Уинстон «не хочет учиться», «невоспитан», «ленив», «неисполнителен», «упрям». Лишь на второй год учебы, вняв настояниям няни, родители обратили внимание, что ребенок слишком часто подвергается экзекуциям. И в 1884 году его перевели в более скромную школу в Брайтоне. Здесь возглавлявшие школу две пожилые сестры Томсон стремились привнести науки детям не с помощью розги, которая «ум вострит», а посредством любви и доброты. Этот метод применительно к Уинстону оказался гораздо более эффективным. Однако либерализм со стороны педагогов имел и свою оборотную сторону. Между учениками постоянно вспыхивали потасовки, более сильные и наглые били более слабых и безответных. Уже через три месяца после пребывания в Брайтоне Уинстон схватился в рукопашной с одноклассником, хорошенько врезав ему в ухо. Тот в долгу не остался и ножом легко ранил Черчилля в грудь.

В 1887 году посредственные успехи Уинстона в учебе и его скверное поведение заставили родителей предпочесть более престижному колледжу Итон, где традиционно учились представители рода Мальборо и Черчилли, менее престижный Хэрроу, где требования к поступающим были более чем щадящие, а плата за обучение – столь же высокой – 250 фунтов в год. Перед экзаменами лорд Рэндольф переговорил с директором школы, и Черчилль был принят, хотя на письменном экзамене по ненавистной латыни не написал ни слова. Хорошо знал Уинстон только те предметы, которые любил, – историю и поэзию, а латынь, как и математику, искренне ненавидел. Тем не менее нелюбовь к математике не помешала Черчиллю в дальнейшем делать весьма точные расчеты как политику и стратегу. Зато в тех предметах, которые он любил, в истории, в родном языке и в литературе, Уинстон делал заметные успехи. Ему помогала феноменальная память – Черчилль заучивал наизусть десятки страниц текста. У него уже тогда выработался неплохой литературный стиль, что позволило Уинстону устроить взаимовыгодный бартер: он писал за своих одноклассников сочинения, а те решали за него математические задачи, которые Черчилль так никогда и не освоил.

Уинстон Черчилль в возрасте 7 лет

Уже в школьные годы Уинстон ощущал себя настоящим патриотом. Впоследствии он вспоминал, как пел в Хэрроу вместе с другими школьниками патриотические песни и как сильно хотел тогда «сделать хоть что-нибудь для славы своей страны». Хотя его недисциплинированность никуда не делась.

В 1888 году Уинстон написал сочинение о будущей мировой войне, где точно предсказал год ее начала – 1914-й. А вот в составе противоборствующих коалиций Черчилль немного ошибся. В его сочинении Англия воевала с Россией (сказалось тогдашнее российско-английское противостояние в Центральной Азии и Афганистане), тогда как в Первой, равно как и во Второй, мировой войне эти государства оказались союзниками.

От знаменитого предка-полководца Уинстон унаследовал настоящую страсть к военному делу. Он был убежден, что «сражения есть самые знаменательные события мировой истории» и что судьбы народов и государств зависят от воли великого человека, особенно полководца. Черчилль утверждал в одной из своих речей: «Во всех великих битвах прошлого успеха добивался тот, кто проявлял высшую силу воли, способную вырвать победу из лап противника». Чего-чего, а воли у него было не занимать.

Еще в колледже Уинстон начал активно заниматься спортом. При этом было замечено, что гораздо больших успехов он достигал в одиночных видах вроде плавания и конном спорте, чем в командных (крикет, футбол, регби). Что ж, Черчилль на всю жизнь остался индивидуалистом и успешно работал в команде только в одном случае – если он ее возглавлял, будь то министерство или правительство. На меньшие роли он был не согласен.

Выбор военной профессии произошел на каникулах летом 1889 года. Отец застал Уинстона и его младшего брата Джорджа за игрой в солдатики и прямо спросил: «Уинстон, не хочешь стать военным?» И тот уверенно ответил: «Да».

В «военном классе» будущий премьер стал учиться более прилежно. Видно, военная служба в тот момент его привлекала. Хэрроу Черчилль окончил в числе всего 12 учеников, сумевших выдержать экзамены по всем предметам, особые успехи показав при изучении истории. Он также стал чемпионом школы по фехтованию, зато по дисциплине находился в классе на последнем месте. Позднее Уинстон признавался: «Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать. За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка исключая алфавит». В Хэрроу Черчилль прославился как один из самых злостных хулиганов. Ему очень нравилось сталкивать товарищей в бассейн. Правда, порой перепадало и ему самому. Как-то раз несколько товарищей затолкали его в постель и уст роили своеобразный контрастный душ, облив сначала горячей, а потом холодной водой. Но даже в столь беспомощном положении Черчилль кричал своим обидчикам: «Я все равно буду великим, а вы так и останетесь никем». И ведь сколько хулиганов было в колледже в то время, а великим-то действительно стал лишь один.

В конце 1892 года после провала на вторых вступительных экзаменах в Королевское военное училище Сэндхерст, отец забрал Уинстона из Хэрроу. Его определили в Лексэм-Гарденс-Эрлскорт в Лондоне на курсы к капитану Уолтеру Генри Джеймсу, который натаскивал нерадивых учеников для поступления в Сэндхерст. От уровня подготовки своего нового воспитанника капитан был не в восторге и честно сказал лорду Рэндольфу: «Ваш сын слишком невнимателен и чрезмерно заносчив. К тому же он постоянно поучает своих преподавателей, заявляя им, что его познания в истории настолько обширны, что он не желает продолжать дальнейшую учебу в данной области».

В 1893 году Черчилль лишь с третьей попытки сдал экзамены в престижное Королевское военное училище в Сэндхерсте. Его подвело плохое знание латыни. Показав 92-й результат из 102 поступивших курсантов, Уинстон первоначально был определен в менее престижный кавалерийский класс, где годовая плата за обучение была на 200 фунтов выше, а карьерные возможности – меньше. Перевестись в пехотный класс ему удалось только благодаря тому, что часть абитуриентов с более высокими экзаменационными баллами отказалась от поступления в училище.

Учеба отнимала практически все время. Первые занятия начинались в 6.45 утра и продолжались с небольшими перерывами на завтрак и обед до 16.00. Затем у курсантов было свободное время – они могли заняться спортом, чтением или просто гулять. До отбоя в 23.00 Черчилль много читал военную литературу, в том числе труды по стратегии и тактике, а также описания последних войн – гражданской войны в США 1861–1865 годов, франко-прусской войны 1870–1871 годов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Курсанты занимались кар-

тографией, тактикой, фортификацией, военной администрацией, полковым счетоводством, а также юриспруденцией, осваивали стрелковое и артиллерийское вооружение. Не последнее место занимали физические упражнения в гимнастическом зале, стрельба, копание окопов, строевая подготовка, марши и верховая езда.

Уинстон Черчилль – выпускник Сэндхерста

Лейтенант королевской армии

В 1894 году Черчилль окончил училище 20-м из 130 выпускников, что было довольно неплохим результатом, и в феврале 1895 года стал 2-м лейтенантом. Однако спустя восемь месяцев после окончания академии молодой лейтенант гусарского полка признался в письме матери, что «служба в армии – это совсем не то, что привлекает меня». Что же произошло? Ведь еще совсем недавно война была для Черчилля «благородной мужской игрой», «жестокой, но прекрасной»; а во время кавалерийских маневров, по собственному признанию, Черчилль «готов был кричать от восторга, предвкушая радость боя». Но очень скоро он понял, что военная служба – дело долгое и трудное, быстрой карьеры не сделаешь, особенно в условиях мирного времени (а Британская империя как на грех в это время не вела ни одной войны), да еще надо беспрекословно подчиняться старшим начальникам, чего Черчилль никогда не любил.

Тянуть ляжку младшего офицера в элитном 4-м гусарском полку Уинстону не очень-то хотелось. В 1895 году он признавался в одном из писем: «Чем дольше я служу в армии, тем больше мне нравится служить, но тем больше я убеждаюсь в том, что это не для меня».

Благодаря связям матери, которая делала все для карьеры сына, в том же 1895 году он был направлен на Кубу военным корреспондентом газеты «Дейли график» освещать борьбу кубинских повстанцев против испанских войск, будучи прикомандированным к последним, но оставаясь при этом на действительной военной службе в британской армии. За пять опубликованных статей, часть из которых перепечатала «Нью-Йорк таймс» (хотя его происпанская позиция не находила поддержки у американской публики), он получил гонорар в 26 фунтов и 5 шиллингов, что было весомой прибавкой к годовому жалованью в 120 фунтов. Правительство Испании наградило его медалью «Красный крест», что дало повод британской прессе усомниться в нейтральности корреспонденций Черчилля. На Кубе он пристрастился к гаванским сигарам и послеобеденной сиесте, а также понял, как сложно регулярной армии бороться с партизанами.

Уинстон Черчилль в 1895 году

Черчилля уже тогда влекла политика, но для политической карьеры у него просто не было средств. Его мать изрядно поиздержалась после смерти мужа, а кампания по выборам в парламент была и по тем временам делом весьма недешевым. Ведь по тогдашним британским законам кандидат в депутаты парламента должен был оплачивать расходы по ведению предвыборной кампании только из собственных средств. А 300 фунтов годового дохода семейства Черчиллей для этих целей было явно недостаточно. Недостаток денежных средств в юности привел к тому, что до конца жизни Черчилль отличался известной скупостью. А еще Черчилль понимал, что путь к успеху в политике лежит, среди прочего, через искусство оратора, и успешно им овладел.

По дороге на Кубу Черчилль впервые посетил Соединенные Штаты, на короткое время остановившись в Нью-Йорке у своих родственников. Позднее он говорил брату Джеку: «Америка – великая страна, где практичность ставится во главу угла, заменяя американцам романтику и красоту».

В октябре 1896 года Уинстон с полком отправился в индийский город Бангалор, где стал одним из лучших игроков сборной полка по поло. Мы-то все знаем Черчилля по портретам периода Второй мировой войны как толстяка-увальня. Трудно вообразить, что в молодые годы он был очень неплохим спортсменом. Ведь спорт изначально был занятием аристократов.

Служба в индийской глуши Черчиллю вскоре наскучила. Он отзывался о ней как о «бессмысленной и бесполезной ссылке». Уинстон рвался в бой. К тому же при высадке в Индии Черчилль вывихнул плечевой сустав, и последствия этой травмы еще долго давали о себе знать.

Хотя у службы в гарнизонном городе Бангалор были и свои преимущества. Каждый офицер жил на отдельной квартире и имел несколько человек индийской прислуги. Пока не было войн, Черчилль много читал. Особенно привлекали его книги по истории британской политической системы. А еще он читает и даже заучивает наизусть речи своего отца. Уинстон познакомился с трудами Гиббона, Маколея, Платона, Аристотеля, Шопенгауэра, Мальтуса, увлекся учением Дарвина. Уинстон читал для того, чтобы извлечь из прочитанного практическую пользу и на основе полученных знаний выстроить собственную жизнь. В марте 1897 года Черчилль писал матери из Бангалора: «Фактический материал из Annual Register (ежегодник, где публиковалась хроника политической жизни Англии. – Б.С.) вооружил меня, дав мне в руки острый меч воина. Маколей, Гиббон, Платон и другие должны укрепить мои мышцы, чтобы я мог эффективно использовать этот меч».

Летом 1897 года, вернувшись в отпуск в Англию, Черчилль совсем уже было решил рискнуть и включиться в политическую борьбу, бросив на кон все свои скромные финансовые средства и уволившись из армии. Но в это время в Северо-Западной Индии вспыхнуло восстание пуштунских племен, на подавление которого был брошен экспедиционный корпус во главе с другом его отца сэром Биндоном Блудом. И Черчилль решил, что это хороший шанс для него отличиться, что, во всяком случае в будущем, должно было помочь политической карьере. Он спешно вернулся в Индию и по совету Блуда, взяв отпуск в своем полку, добился прикомандирования к экспедиционному корпусу.

Итак, осенью 1897 года Уинстон отправился подавлять восстание пуштунских племен в горной области Малаканд, на северо-западе страны. Здесь ему впервые пришлось участвовать в боях. В первой же схватке в Мамундской долине 16 сентября 1897 года Черчилль, по его собственному утверждению, убил или ранил четверых неприятелей. Так ли это было на самом деле, сказать трудно. Известно, что рассказы об уничтоженных врагах сродни охотничьим и рыбацким рассказам. Корреспонденции о ходе боевых действий Черчилль отправлял в лондонскую «Дейли телеграф».

Черчилль показал себя храбрым боевым офицером, но саму войну с пуштунами считал бессмысленной. Своей бабушке, герцогине Мальборо, он писал: «Люди племен пытаются раненых и уродуют убитых. Наши солдаты никогда не оставляют в живых пленных, незави-

симо от того, ранены те или нет. Полевые госпитали и конвои с больными особенно привлекательны для врага в качестве целей для нападения, мы разрушаем резервуары, которые являются единственным источником воды летом, и применяем против них пули – новые пули «Дум-дум» ... разрушительный эффект которых просто ужасен... Это разорительно финансово, безнравственно морально, сомнительно с военной точки зрения и является грубым политическим промахом». Черчилль считал, что гораздо более эффективной в Индии будет не тактика выжженной земли, а более терпимая политика, призванная умиротворить значительную часть повстанцев.

В письме одному из своих боевых товарищей Уинстон рассказал, как пехотинцы сикхского полка бросили раненого повстанца в печь для мусора и сожгли его заживо. А перед этим повстанцы буквально изрубили на куски роту 14-го Сикхского полка.

По окончании экспедиции Черчилль опубликовал книгу «История Малакандского полевого корпуса». Там он с иронией описывал, как воспринималась в Англии проводившаяся в зоне племен тактика «выжженной земли»: «В Англии по этому вопросу высказывалось много неверных суждений. Один член палаты общин спросил государственного секретаря, принималось ли во внимание при наказании деревень, что сжигаться должны были только дома виновных в антибританских выступлениях. Он получил суровый ответ, что вина владельцев домов при их сожжении принималась во внимание. Конечно, трудно представить более нелепое зрелище, чем солдаты, которые только что ворвались в деревню, выбив противника штыками, которые отражают энергичные контратаки туземцев, причем опасность с каждой минутой увеличивается и угрожает потерями, и которые при этом расхаживают среди хижин и выясняют, какие дома принадлежат повстанцам, а какие – невинным гражданам. Другой член палаты спросил, уничтожались ли целые деревни или только укрепления. “Только укрепления”, – без колебаний ответил министр. Что же на самом деле? По всей афганской границе каждый дом представляет собой крепость. Деревни – это укрепления, а укрепления – деревни. В каждом доме имеются амбразуры, а есть ли при нем башня или нет, зависит только от состоятельности владельца. Еще один законодатель на страницах своего развлекательного еженедельного журнала посвятил этому вопросу несколько колонок и осудил подобную тактику как варварство. Она не только варварская, утверждал он, но и бессмысленная. Куда теперь пойдут жители деревень? Конечно, к врагу! За этим заявлением скрывается, пожалуй, самое удивительное непонимание истинного положения дел. Автор, похоже, вообразил, что племена состоят из регулярной армии, которая сражается, и мирного законопослушного населения, которое занимается своим делом и время от времени, возможно, протестует против чрезмерных военных расходов. Что же до реального положения вещей, то каждый житель этих мест становится и остается солдатом с того момента, когда он оказывается в состоянии швырнуть камень, и до того времени, пока он в состоянии нажать на курок, после чего, вероятно, его убивают, так как он становится обузой для общества.

Вооружившись этими откорректированными фактами, я приглашаю читателя самого разобраться в вопросе о законности сожжения деревень. Лагерь британской бригады, которая движется по приказу правительства Индии и с согласия народа Соединенного Королевства, подвергается ночной атаке. Убито несколько офицеров, солдат и дорогостоящих вьючных животных. Нападавшие отступают в горы. Последовать туда за ними невозможно. Их нельзя поймать, их нельзя наказать. Остается только их собственность – эта собственность должна быть уничтожена. Их деревни становятся заложниками их хорошего поведения. Они прекрасно знают это, и когда атакуют конвой или лагерь, то делают это потому, что рассчитали стоимость потерь и пришли к выводу, что дело того стоит. Конечно, это жестокость и варварство, как и многое другое в войне, но было бы крайне нелогично считать законным уничтожение человеческих жизней и незаконным – уничтожение имущества.

В официальном языке для сожжения деревень обычно употребляют эвфемизмы “было захвачено и наказано столько-то деревень” или же “укрепления были снесены”. Я не верю во все эти иносказания. Отсутствие уверенности, которое демонстрирует правительство Индии в лучших традициях британской демократии, является наименее привлекательной из его черт. Людям нашего острова требуется только, чтобы дело было им прямо и честно изложено, и тогда они найдут разумное и практичное решение. Если это не так, то мы не должны занимать то привилегированное место в мире, которое занимаем».

Здесь Черчилль перед своими читателями откровенен до цинизма. Он прекрасно знает, поскольку на собственной шкуре испытал, что такое партизанская война против повстанцев в колониях, где каждый мирный житель – это потенциальный враг, где обе стороны стараются не брать пленных и добывать неприятельских раненых, где только сожжение деревень может заставить жителей не выступать против британской власти. В то же время после Второй мировой войны десятки и сотни германских генералов и офицеров были приговорены союзными военными трибуналами, в том числе британскими, к длительным срокам заключения или даже казнены за проведение тактики «выжженной земли» в борьбе против партизан, хотя она ничем принципиально не отличалась от той, которую применяли британские войска в Индии и в других колониях. Тут надо, правда, заметить, что эти трибуналы начали работать уже тогда, когда Черчилль не был премьер-министром, и сам он на протяжении войны решительно выступал против советского предложения просто расстрелять скопом 50 тыс. немецких генералов и офицеров. Но он в то же время понимал, что в политике часто приходится прибегать к готтентотской морали: «Плохо, если сосед угнал моих буйволов, хорошо, если я угнал буйволов у соседа». А еще индийский опыт показал Черчиллю, что многие покоренные британцами народы только и думают, как бы восстать против своих господ. И у него появились мысли о том, что британская колониальная политика должна быть гибче, чтобы по крайней мере верхушке покоренных народов и племен выгоднее было бы быть в составе Британской империи, чем вне ее.

Исходя из опыта войны в Индии, Черчилль пришел к следующему философскому заключению: «Пуля в ногу может превратить храбреца в труса. Удар по голове делает из умного человека дурака. Я читал даже, что достаточное количество абсента может превратить хорошего человека в негодяя. Торжество разума над материей, похоже, еще не полностью достигнуто». Абсенту Уинстон предпочитал коньяк и виски.

В сущности, вся война велась для того, чтобы наказать повстанцев и заставить их вернуть 21 современную винтовку, которые они захватили у убитых ими солдат 35-го Сикхского полка. Когда винтовки были наконец возвращены, Черчилль следующим образом это прокомментировал: «Это была одна из самых невыгодных сделок в истории. Люди многоречиво рассуждают о “полном разоружении приграничных племен” как об очевидной политике. Несомненно, такое разоружение было бы весьма желательным. Но его осуществление было бы мероприятием столь же болезненным, как извлечение жал у ос голыми руками».

Вероятно, из книги о Малакандском походе или из печатавшихся в «Дейли телеграф» писем Черчилля почерпнули эпизод с сожжением заживо пленного повстанца безвестные авторы легенды о гибели красного партизанского командира на Дальнем Востоке Сергея Лазо, будто бы сожженного японцами и уссурийскими казаками в паровозной топке. Дело в том, что заместителем председателя Военного совета Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы Сергей Лазо был арестован японскими войсками во Владивостоке в начале апреля 1920 года, после того как красные партизаны уничтожили японский гарнизон и колонистов в Николаевске-на-Амуре. По официальной советской версии, Лазо и его товарищей, Алексея Луцкого и Всеволода Сибирцева, японские военные вывезли из Владивостока и передали забайкальским казакам атамана Семенова и после пыток расстреляли. Лазо якобы расстреливать не стали, а еще живым бросили в паровозную топку на станции

станции Муравьево-Амурская, точно так же как пуштинского повстанца в книге Черчилля. Однако в топку паровоза того времени живого человека никак не засунешь, а больших печей для сжигания мусора на российском Дальнем Востоке не было. Размер входного отверстия – 64 на 45 сантиметров. При таких габаритах туда, пожалуй, даже девушку на последней стадии анорексии не засунешь, не то что здоровяка Лазо. Очевидно, у печи для сжигания мусора, которой пользовались пехотинцы-сикхи, входное отверстие было значительно больше. В действительности первой о смерти Сергея Лазо сообщила японская газета «Джапан Кроникл» еще в апреле 1920 года – он был расстрелян во Владивостоке, и труп сожжен. Поскольку точное место расстрела так и не было названо, надо было придумать легенду, подходящую для пропагандистских целей и приурочивающую гибель Лазо к определенной станции, где можно было поставить памятник. Отсюда и пошли знаменитые стихи Маяковского:

В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
Отрекитесь! – ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
– Да здравствует коммунизм!

Здесь опять-таки некоторая поэтическая вольность – ведь сжигали Лазо, по официальной версии, не японцы, а казаки есаула Бочкарева. Кстати сказать, в советском фильме «Сергей Лазо» убийцу Лазо Бочкарева сыграл великий русский режиссер Андрей Тарковский (это была чуть ли не единственная его роль в кино; как говорится, роль маленькая, но со словами). Позднее это вызвало подозрения в Госкино, что Тарковский потому взялся сыграть казачьего есаула, что ему нравится расстреливать красных командиров и комиссаров. По этому поводу можно сказать только, что есаул Валериан Иванович Бочкарев действительно существовал, только был он из уссурийских, а не забайкальских казаков. В 1921 году белое Приамурское правительство с большим трудом спланировало его добровольческий отряд из Владивостока на Камчатку, поскольку опасалось казачьей вольницы. Там произведенный в полковники за освобождение от красных Охотска Бочкарев немало обогатился на торговле пушниной, а затем благополучно эмигрировал в Шанхай (по другим данным, погиб в начале 1923 года в селе Гижиге в Северо-Эвенском районе Магаданской области в бою с красными). Но нет никаких данных, что он хоть как-то был причастен к гибели Лазо.

Но вернемся к Черчиллю. После возвращения из Малакандского похода, как мы уже упоминали, он собрал свои письма и корреспонденции в книгу, которую издал в 1898 году под названием «История Малакандского полевого корпуса», имевшую успех. За ней последовали биография Гарибальди и книга об истории гражданской войны в США, а также единственный роман Черчилля – «Саврола, или Революция в Лауралии». Сначала он по частям печатался в «Макмиллан'с мэгэзин», а спустя два года вышел отдельной книгой. Роман, в отличие от исторических книг, не имел большого успеха, хотя и принес автору весьма приличный доход в 700 фунтов.

Критика отмечала, что особо удались Черчиллю сцены военных действий: сказался личный боевой опыт. А вот мелодраматические диалоги вышли у начинающего писателя значительно хуже. Главный герой романа – Саврола, «великий вождь демократии» в республике Лауралии, которой правит жестокий диктатор Моляра. Саврола – персонаж явно автобиографический, а в Лауралии угадываются черты старой доброй Англии. Например, лауралийцы, подобно англичанам, любят играть в поло. Саврола, как и Черчилль, – человек целенаправлен-

ный, умеющий владеть собой. Сюжет сочинения Черчилля развивается вполне в духе бульварных романов. Симпатичная и молодая супруга диктатора становится возлюбленной Савролы. Он возглавляет революцию, направленную на восстановление попранной диктатором конституции. По ходу действия Саврола произносит слова о «надежде на процветание, на которое имеет право каждый, даже самый бедный человек». Но сам черчиллевский герой достаточно трезво оценивает свои возможности: «Кто я в этой толпе: господин или раб? Во всяком случае, у меня нет иллюзий!»

Восставший народ под предводительством Савролы свержает тирана, и Моляра гибнет на ступенях дворца. Однако победа свободы и демократии омрачена происками тайного анархистско-социалистического общества Карла Кройце, члены которого являются сторонниками насилия и имеют большое влияние на рабочий класс. Здесь присутствует явный намек на Карла Маркса и марксистов. В переводе фамилия героя Kreutz означает «крест» (по-немецки слово «крест» пишется немного иначе: Kreuz, но произносится одинаково), что содержит иронический намек на обожествление Маркса его последователями. Имя героя в романе тоже пишется по-немецки: Karl, а не Carl, как должно было быть по-английски.

После возвращения из Малакандского похода Черчилль сразу же стал хлопотать о новой командировке, на этот раз в Судан, для освещения подавления махдистского восстания. Его назначили на сверхштатную должность лейтенанта, специально оговорив, что в случае гибели или тяжелого ранения Черчилль или его семья не сможет рассчитывать на страховые выплаты из армейских страховых фондов. Командировку в Судан оплатила великосветская газета «Морнинг пост», куда Черчилль должен был направлять свои репортажи. Уинстон участвовал в решающем сражении при Омдурмане 2 сентября 1898 года, в том числе и в последней атаке британской кавалерии в конном строю. Черчилль так описал ее в книге о Суданской кампании «Война на реке», ставшей бестселлером и принесшей Черчиллю настоящую литературную славу: «Дервиши сражались самоотверженно – резали лошадям жилки, рубили поводья и стремянные ремни. Они расстреливали наших солдат в упор, закидывали острыми копьями, выпавших из седла безжалостно рубили мечами, пока те не переставали подавать признаков жизни... Я перешел на рысь и поскакал к отдельно стоящим неприятелям, стреляя им в лицо из пистолета (у Черчилля был германский «маузер», чьи достоинства он полностью оценил. – Б.С.), и убил нескольких: троих – наверняка, двоих – с большой долей сомнения и еще одного – весьма сомнительно».

В письме матери Черчилль пытался дать рациональные объяснения своей храбрости: «Быть все время на виду, блистать, обращать на себя внимание, так надо вести себя, чтобы стать героем в глазах публики, в этом залог успешной политической карьеры. Однажды я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие. Может, это и глупо, но ставки велики, тем более когда у тебя есть зрители. Если на тебя никто не смотрит, то и храбрость ни к чему».

Возможно, Черчилль несколько преувеличил свои успехи. Всего в битве при Омдурмане англо-египетские войска (8 тыс. британцев и 18 тыс. египтян, имевших 50 современных орудий и 80 пулеметов) потеряли 48 убитых и 428 раненых. Потери суданцев, которых будто бы насчитывалось 60 тыс. человек, никто толком не считал. В отчете Китченера говорилось о 5 тыс. пленных (что, вероятно, близко к истине) и 9,7 тыс. убитых и 25 тыс. раненых (потери убитыми и ранеными, возможно, преувеличены, хотя они наверняка в десятки раз превышали потери египтян и британцев).

Эту же атаку Черчилль рассматривал как философское отражение сути жизни: «С некоторой точки зрения кавалерийская атака очень похожа на обычную жизнь. Пока вы в порядке, твердо держитесь в седле и хорошо вооружены, враги далеко вас обходят. Но, стоит вам потерять стремя, лишиться узды, выронить оружие или получить ранение – самому или лошади, – и тут же со всех сторон на вас ринутся враги».

Черчилль критиковал главнокомандующего генерала Китченера за жестокое отношение к пленным и неуважение к мусульманским обычаям. Он утверждал: «Китченер – великий полководец, но его трудно обвинить в том, что он – великий джентльмен». Подобное вопиющее нарушение субординации привело к тому, что Черчилль не был награжден за суданскую кампанию.

После возвращения из Судана Черчилль вышел в отставку, собираясь начать политическую карьеру в рядах консервативной партии. Литературные доходы принесли ему достаточно средств для ведения предвыборной кампании. Однако на дополнительных выборах в небольшом английском промышленном городке Олдем Черчилль потерпел поражение. Для местных рабочих он оказался слишком аристократом.

Англо-бурская война заставила Черчилля вновь вернуться к профессии военного корреспондента, непосредственно участвующего в боевых действиях. 15 октября 1899 года он отправился в Южную Африку корреспондентом «Морнинг пост» с жалованьем в 250 фунтов в год. Он боялся только одного – что не успеет попасть на театр боевых действий до окончания войны. Но война получилась совсем молниеносной. Один из корреспондентов, работавших в Южной Африке, вспоминал: «Уинстон – просто удивительный человек. Он не питает ни малейшего почтения к старшим по званию и положению, разговаривая с ними, словно со своими сверстниками. Он одинок и держится и с излишней самоуверенностью, недоступной другим. Я еще ни разу не встречал столь амбициозного, храброго и открыто эгоистичного типа». Из Кейптауна Уинстон писал матери: «Мы недооценили военную силу и дух буров, и я сильно сомневаюсь, что одного армейского корпуса будет достаточно, чтобы сломить сопротивление. Так или иначе нам предстоит жестокое, кровавое сражение, в котором мы, скорее всего, потеряем десять или двенадцать тысяч человек. Я же верю, что буду сохранен для будущих событий». Первоначально Черчилль хотел попасть в осажденный бурами Ледисмит и предлагал 200 фунтов тому, кто сможет провести его сквозь неприятельские позиции, но проводников так и не нашлось. Уже 15 ноября Черчилль отправился на бронепоезде в рейд в районе Эсткорта. Вскоре бронепоезд был обстрелян артиллерией буров. Двигаясь задним ходом, состав врезался в валуны, которыми буры перегородили путь. Ремонтная платформа и два броневагона сошли с рельсов, а единственное орудие ставшего неподвижным бронепоезда было выведено из строя прямым попаданием. Черчилль командовал расчисткой пути. Он бесстрашно вел себя под огнем, но, когда путь был расчищен, выяснилось, что сцепка оставшегося на рельсах вагона перебита снарядами. Тяжелораненых погрузили на паровоз и отправили в тыл. Когда паровоз оторвался от неприятеля, Черчилль прыгнул и присоединился к 50 оставшимся британским солдатам, вместе с которыми и был взят в плен. Он объяснил, что не мог бросить их на произвол судьбы, хотя перед пленением предусмотрительно выбросил пистолет и требовал от буров освободить его как не участвующего в боях представителя прессы (буры это требование проигнорировали). Их поместили в лагерь военнопленных в Претории. Капитан Энтони Уэлдон впоследствии утверждал: «Я беседовал с машинистом поезда и путевым рабочим, они сходятся во мнении, что никто не вел себя отважнее и хладнокровнее, чем мистер Черчилль». А другой капитан, Джеймс Вили, принимавший участие в расчистке путей, полагал: «Уинстон очень храбрый малый, хотя и без царя в голове». Черчилль был легко ранен и взят в плен бурским генералом Луисом Ботой, с которым они позднее стали друзьями.

Уинстон Черчилль во время Англо-бурской войны

Но уже 12 декабря Черчилль бежал из плена. За его поимку буры назначили награду в 25 фунтов, что, кстати сказать, было немного больше его месячного жалованья в газете. Они выпустили следующее объявление: «Разыскивается Уинстон Черчилль, британский подданный, возраст – 25 лет, рост – 5 футов 8 дюймов (173 см), без особых примет, ходит с высоко поднятой головой. Кожа бледная, волосы рыжеватые, носит короткие усы. Говорит в нос, слегка шепелявит. Не владеет языком африкаанс, одет в коричневый пиджак, находится в бегах...» К счастью, по такому неконкретному описанию найти человека было трудно, тем более что и усы, и коричневые пиджаки носили многие местные жители.

Два других участника побега – командир бронепоезда лейтенант Холдейн, бывший сослуживец Уинстона по кампании в Малаканде, и главный сержант Бруки – были схвачены охраной при попытке перелезть через стену. Черчилль так и не дождался их в кустах на противоположной стороне стены. Впоследствии его обвиняли, будто он бросил товарищей, но доказательств этому не было, а в 1912 году Черчилль вынудил журнал «Блэквудс мэгэзин» напе-

читать опровержение и принести извинения за подобные утверждения. Ходили слухи, будто Черчилль бежал, переодевшись в женское платье. В действительности он был одет в полевую форму и имел в карманах 75 фунтов денег и 4 плитки шоколада.

После тридцати часов скитаний голодному Черчиллю необычайно повезло. Он поступался в единственный дом на 20 миль в округе, принадлежащий англичанину – Джону Ховарду, управляющему трансваальскими шахтами. Ховард, будучи гражданином Трансвааля, тем не менее отказался воевать против соотечественников-британцев, но буры не трогали его как ценного и незаменимого специалиста. Несколько дней Ховард прятал Черчилля в заброшенных шахтах, где тот коротал время за чтением романа Стивенсона «Похищенный». Потом Черчилля, одетого уже в штатский пиджак, в товарном вагоне переправили в Уитбанк. Там другой горный инженер, англичанин Даниэл Девснап, несколько дней укрывал его в шахте, а затем помог тайно переправиться на поезде на территорию португальского Мозамбика, откуда беглец уже беспрепятственно прибыл в Дурбан. Очень удачным оказалось то, что о прибытии Черчилля в мозамбикский Лоренсу-Маркиш стало известно в конце недели, которая в Англии была названа Черной неделей из-за нескольких поражений, которые англичане потерпели от буров. Побег Черчилля стал единственным светлым пятном на общем мрачном фоне, что привлекло к нему повышенное внимание прессы. А в Дурбане Черчилля ждала триумфальная встреча. Он выступил с речью перед большой толпой, восторженно приветствовавшей его. Вскоре после возвращения из плена Черчилль писал: «Мне уже 25 лет, и времени остается ужасно мало».

После побега Черчилль получил должность лейтенанта легкой кавалерии без жалованья, оставшись специальным корреспондентом «Морнинг пост». Когда ему советовали побыстрее вернуться в Англию, он отвечал: «Не волнуйтесь! У меня твердое предчувствие, что я создан для чего-то большего и меня хранит Бог». Уинстон участвовал во многих боях и в деблокаде гарнизона Ледисмита. За мужество, проявленное в ходе сражения при горе Спионкоп 24 января 1900 года, его представили к Кресту Виктории, но, поскольку он сразу после этого боя ушел в отставку, ходу этому представлению не дали. В бою при горе Спионкоп англичане потеряли 1733 убитых и раненых, а у Черчилля в очередной раз оказалась прострелена шляпа.

О южноафриканской кампании Черчилль написал две книги – «Марш Иена Гамильтона» и «Из Лондона в Ледисмит».

Из военных в политики

По возвращении в Лондон Черчилль представил министру колоний Джозефу Чемберлену свои предложения по урегулированию южноафриканского конфликта. Он предлагал бурам сотрудничество с британцами в Южной Африке в качестве равноправных народов.

Еще до начала турне по Америке, которое было предложено ему его американским агентом сразу же, как только он прибыл в Дурбан, Черчилль совершил триумфальную поездку по Англии, ставшую фактически бесплатной предвыборной кампанией. Он опять баллотировался как кандидат от Олдема. На этот раз город встретил его как героя. Потомок герцога Мальборо сумел завоевать сердца жителей рабочего городка. В предвыборных речах он живо рассказывал о побеге из плена. Ему удавалось мастерски создавать впечатление, что он обращается ко всем и к каждому. И 1 октября 1900 года Черчилль с большим перевесом был избран в парламент. Перед тем как появиться в Вестминстере в новом качестве, он с успехом прочел лекции в Америке, посвященные южноафриканским событиям.

Став депутатом парламента, Черчилль свою первую речь там 18 февраля 1901 года посвятил проблеме мирного урегулирования в Южной Африке, призвав проявить милосердие к побежденным бурам и «помочь им смириться с поражением». Он заявил: «Будь я буром, надеюсь, что я сражался бы на поле брани».

В парламенте Черчилль отстаивал принцип свободы торговли, считая, что он поможет улучшить благосостояние народа.

Для того чтобы сделать политическую карьеру, Черчилль решил сменить партийную принадлежность. В мае 1904 года, не получив места в кабинете, Черчилль переметнулся к либералам. Последние вознаградили его в декабре 1904 года должностью парламентского статс-секретаря в министерстве колоний. А в январе 1906 года Черчилль выиграл парламентские выборы как кандидат от либералов в северо-западном округе Манчестера. Черчилль был убежден, что верность политика определенным принципам должна быть выше, чем верность партии. Перейдя к либералам, он не порвал связей с влиятельными консервативными политиками. Черчилль надеялся использовать их для налаживания межпартийного диалога. Однако в реальности такой диалог обычно удавалось наладить лишь в критических ситуациях Первой и Второй мировых войн, когда правительству на практике приходилось проводить двухпартийную согласованную политику. В 1911 году Черчилль организовал «Другой клуб» – центр интеллектуалов, способных подняться над узкими партийными рамками.

Теперь он выступал за либерализацию британского иммиграционного законодательства, что открывало путь в Англию выходцам из Восточной Европы, прежде всего полякам и евреям. После прихода либералов к власти Черчилль стал заместителем министра колоний. Он стремился обеспечить британское господство в Южной Африке посредством союза с побежденными бурами (африканерами). Лидеры бурской оппозиции генералы Бота и Сметс стали личными друзьями Черчилля и в начале Первой мировой войны обеспечили лояльность большинства буров Британской империи. А во Вторую мировую войну Ян Сметс возглавлял южноафриканское правительство.

В апреле 1908 года при реорганизации правительства Черчилль стал министром торговли. Таким образом, 33-летний Черчилль стал самым молодым министром торговли и промышленности в британской истории. Он сразу же добился установления минимальной оплаты труда, улучшения системы медицинского страхования и пенсионной системы, а также принятия закона об учреждении бирж труда. Он также предложил на рассмотрение проект закона о пособии по безработице, принятый в 1911 году.

В 1908 году Черчилль провозгласил: «Либерализм – это не социализм и никогда им не будет... Социализм стремится искоренить богатство, либерализм – бедность. Социализм уни-

чтожает личную заинтересованность, либерализм ее охраняет, примирив с правами общества. Социализм губит предпринимательство, либерализм лишь освобождает его от гнета привилегий... Социализм ставит во главу угла регламент, либерализм – человека. Социализм критикует капитал, либерализм – монополии». До конца своих дней Уинстон пребывал в убеждении, что коммунисты «ведут нескончаемую войну против цивилизации, чтобы уничтожить все институты власти, все правительства, все государства в мире. Они стремятся создать международный союз нищих, преступников, бездарностей, бунтовщиков, больных, дебилов и дураков, который должен охватить весь мир».

Черчилль старался провести в жизнь социальные реформы, чтобы предотвратить социальную революцию. В частности, он активно участвовал в разработке законопроекта о защите трудящихся от несчастных случаев.

В 1909 году в борьбе за «Народный бюджет» Ллойда Джорджа, с которым Черчилль подружился на всю жизнь, он отстаивал высокие налоги на землю, что должно было дать средства для финансирования законов о социальном страховании. Но осуществление этих идей натолкнулось на ожесточенное сопротивление палаты лордов, лишение которой права вето привело к открытому конфликту двух палат парламента.

Согласно действовавшему до 1918 года положению о выборах, каждый вновь назначенный министром должен был пройти процедуру перевыборов в парламент. На этот раз Черчилль в Манчестере проиграл, но спустя 14 дней, несмотря на бурные выступления суфражисток – воинствующих поборниц избирательных прав для женщин, сделавших его главной мишенью своих нападок, – он победил в шотландском городе Данди. Там Черчилль познакомился с Клементиной Хозье, представительницей знатного и богатого семейства, проживавшего в этом городе. Клементина вскоре стала его женой.

Счастливым союз

Надо сказать, что Черчилль определенно не был донжуаном. За почти полвека, прошедших с момента его смерти, не появилось каких-либо мемуаров или документов, позволяющих уличить его в адюльтере. Добрачные же любовные увлечения Уинстона были хорошо известны еще при его жизни, причем до сих пор нельзя с уверенностью сказать, имели ли они чисто платонический характер, или там было что-то более серьезное.

Черчилль не обращал особого внимания на женщин, поскольку был сосредоточен на своем великом предназначении, которое видел в занятиях политикой. А о симпатичных женщинах он говорил: «Возможно, она и красива для вас, но только не для меня». Среди женщин он чувствовал себя неловко и остроумием блистал лишь в мужской компании. К тому же в молодости он не был любителем танцев. Природный эгоизм также не способствовал привлечению женских симпатий. Черчилль привык подавлять собеседника, подчинять его своей воле, а это не могло способствовать его успеху у прекрасного пола, к которому Черчилль, к слову сказать, никогда особенно не стремился. Уинстон говорил: «Я туп и неуклюж в женском вопросе, поэтому мне приходится быть самодостаточным». В отношениях с женщинами у Черчилля романтизм сочетался с неуклюжестью, из-за чего он нередко выглядел смешным в глазах предмета своего обожания, да и всего высшего света.

В ноябре 1896 года Черчилль на турнире по поло в Секундерабаде встретился с дочерью британского резидента в Хайдарабаде Памелой Плоуден. Он радостно сообщил матери: «Она самая прекрасная девушка, какую я когда-либо видел! Она очень умна и красива! Мы собираемся вместе отправиться в Хайдарабад верхом на слоне!» Но во время поездки и последующих встреч дальше поцелуев дело не пошло, и любовь быстро переросла в дружбу, продолжавшуюся вплоть до смерти Уинстона. Летом 1902 года Памела вышла замуж за графа Виктора Литтона. Черчилль признавался, что «Памела – единственная женщина, с которой я смог бы прожить долгую и счастливую жизнь». Именно ей принадлежит следующая афористичная характеристика Черчилля: «Первый раз, когда вы встречаете Уинстона, вы видите все его недостатки, и только в течение всей оставшейся жизни вы начинаете открывать его достоинства». В письмах к ней Черчилль утверждал: «Я способен любить. К тому же мои чувства постоянны и не подвержены переменчивым любовным капризам, навеянными сиюминутным увлечением. Моя любовь глубока и сильна. Ничто не сможет ее изменить».

Опять-таки нет никаких свидетельств, что какой-либо из мимолетных романов Черчилля до женитьбы вышел из платонической стадии. После мисс Плоуден Черчилль сватался к Мюриэль Уилсон, дочери очень богатого судовладельца, что было немаловажно для Уинстона, почти не имевшего собственных средств, но живущего по принципу: «Если расходы превысили доходы – поступления должны быть увеличены». Он предложил ей руку и сердце, но получил отказ. То ли Мюриэль не понравился эгоизм жениха, то ли она рассчитывала на более выгодную партию. Но друзьями они все же остались.

Очередной отказ Уинстон получил от американской актрисы Этель Бэрримор, которая, по ее собственному признанию, «никогда не считала себя способной к нормальному существованию в мире большой политики».

Наконец, летом 1904 года во время одного из светских приемов наш герой познакомился с 19-летней Клементиной Огилви Хозье, дочерью полковника сэра Генри Монтагю Хозье и леди Бланч, старшей дочери десятого графа Д'Эйрли. Для обоих это оказалось любовью на всю жизнь, хотя первоначально они не произвели особенного впечатления друг на друга. А вот насчет того, что полковник Хозье действительно был отцом Клементины, существовали серьезные сомнения. Дело в том, что к моменту развода супругов Хозье в 1891 году леди Бланч имела уже девять только известных широкой публике любовников. А сколько их было всего –

знает один Господь Бог. Позднее она будто бы призналась, что родила Клементину и ее старшую сестру Китти от капитана 12-го уланского полка Джорджа Миддлтона, который погиб в 1892 году в возрасте 46 лет, упав с лошади. Полковник Хозье от Клементины и Кити отрекся и лишил жену содержания. Некоторые исследователи выдвигают другую кандидатуру настоящего отца Клементины – дипломата Бертрама Митфорда, работавшего в британских посольствах в России, Японии и Китае. Митфорд прожил долгую жизнь и умер в 1916 году в возрасте 79 лет.

Клементина Черчилль в 1915 г.

Известный лейбористский политик Рой Дженкинс был прав, когда утверждал: «Удивительно, как Уинстон и Клементина, будучи оба отпрысками ветреных дам, создали один из самых знаменитых в истории брачных союзов, прославившись как своим счастьем, так и своей верностью».

Но чего им это стоило! В отличие от своего отца, Уинстон не был ходяком, но в частной жизни был далеко не сахар и совершенно не умел угождать дамским капризам.

Как вспоминала Клементина, «Уинстон держался со мной слишком скованно. Он не только не решился пригласить меня потанцевать, но даже постеснялся проводить на ужин». Потом они не виделись целых четыре года. Новая встреча случилась только в марте 1908 года на приеме у леди Сент-Хелье, где Уинстон присутствовал как заместитель министра по делам колоний. Сначала Черчилль не собирался быть на приеме, но вспомнил, что в свое время леди Сент-Хелье немало способствовала его устройству в суданскую экспедицию, и переменял свое решение. На этот раз Клементина оказалась соседкой Уинстона на банкете. Он спросил свою будущую жену, читала ли она его книгу «Лорд Рэндольф Черчилль», и, получив отрицательный ответ, обещал прислать книгу на следующий день. Но обещание так и не выполнил, чем очень расстроил Клементину. Однако на этот раз Черчилль действительно полюбил. В апреле по его просьбе мать пригласила к себе в арендуемый особняк в Солсбери Холл леди Бланч с дочерью. Теперь Уинстон признался Клементине если не в любви, то к в растущей симпатии к ней: «Мне очень понравилась наша беседа в это воскресенье. Что за радость встретить такую умную и благородную молодую девушку. Я надеюсь, мы еще встретимся и узнаем друг друга получше. Я не вижу причин, почему бы нам не продолжить общаться».

4 августа 1908 года Уинстон после свадьбы своего брата Джека остановился в загородном доме своего кузена капитана Фредерика Геста, где среди ночи из-за аварии отопительной системы возник пожар. Черчилль начал руководить эвакуацией из горящего дома ценных вещей еще до приезда пожарных и сам с риском для жизни спасал из огня бюсты и древние манускрипты. Клементине, находившейся тогда в Италии, он писал: «Пожар был великолепным развлечением, мы здорово повеселились. Жаль лишь, что подобное веселье обходится слишком дорого». Позднее Клемми узнала, что Уинстон чуть не погиб на пожаре, когда за его спиной обрушилась крыша. Задержись он на пару минут, мог бы погибнуть под обломками. Такая безрассудная храбрость девушке только понравилась, и она начала понимать, что Уинстон ей небезразличен. После возвращения из Италии она воспользовалась приглашением Черчилля посетить родовое поместье герцогов Мальборо Бленхейм. На третий день пребывания в поместье, когда они осматривали розарий, Уинстон преподнес Клементине «самое замечательное кольцо» с огромным красным рубином и двумя бриллиантами. Свадьбу назначили на середину сентября. Вечером Клементина нарисовала для жениха большое сердечко с надписью «Уинстон» внутри. В несколько оставшихся дней, что они жили в Бленхейме, влюбленные обменивались записочками примерно такого содержания: «Моя дорогая. Как ты? Я шлю тебе мою лучшую любовь. Я только что встал, не желаешь прогуляться со мной после завтрака в розарии?»

Всегда твой У.»

«Мой дорогой. Я в полном порядке и с огромным удовольствием прогуляюсь с тобой в розарии.

Всегда твоя Клементина».

За год до свадьбы Уинстона и Клементины сэр Генри Хозье умер, и Черчилль просил у леди Бланч руки дочери. Он честно заявил: «Я не богат и не слишком влиятелен, но я люблю вашу дочь, и это чувство достаточно сильно для того, чтобы взять на себя великую и священную ответственность за нее. Я смогу сделать ее счастливой, обеспечить ей положение в обществе, достойное ее красоты и добродетели». И будущая теща дала свое согласие. Она полагала, что «трудно сказать, кто из них влюблен больше. Зная характер Уинстона, думаю, что он. Весь мир слышал о его замечательных умственных способностях, но какой, оказывается, он очаровательный и любящий в частной жизни».

Влюбленные писали друг другу письма. Клемми признавалась: «И как я только жила все эти двадцать три года без тебя? Все, что произошло за пять последних месяцев, кажется мне каким-то прекрасным сном». Уинстон отвечал в том же духе: «У меня просто нет слов, чтобы передать тебе любовь и радость, которые переполняют меня, когда ты находишься рядом».

15 августа о предстоящей свадьбе было официально объявлено. Правда, в последний момент Клементина порывалась отменить свадьбу, возможно, опасаясь, что Уинстон слишком часто будет изменять ей с политикой. Но брат Билл сумел внушить ей, до этого трижды разрывавшей помолвки, не делать этого в четвертый раз.

Мюриэль Уилсон поздравила Уинстона с предстоящей свадьбой: «Я ужасно рада, что ты женишься. Я прекрасно знаю, как тебе порой одиноко и как поможет тебе жена. Поздравь от меня Клементину, желаю тебе от чистого сердца удачи и счастья».

Уинни и Клемми обвенчались 12 сентября в два часа пополудни в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. Черчилль был в традиционном фраке и цилиндре, по поводу чего некоторые издания иронизировали, что жених похож на принарядившегося кучера. Клементина была в бриллиантовых серьгах, подаренных женихом, в сверкающем платье из белого атласа, со струящейся белой фатой из нежного тюля, украшенной флердоранжем. В свадебном букете, который она несла в руках вместе с Евангелием, были традиционные миртовые веточки и лилии. Новобрачных поздравили министр финансов Ллойд Джордж, предполагаемый отец невесты Бертрам Митфорд, леди Рэндольф и бабушка невесты графиня Эйрли.

Забегая вперед, скажем, что в браке Черчилля не все складывалось гладко. Клемми по натуре была романтической идеалисткой и не очень уютно себя чувствовала в мире политики, без которого не мог жить ее супруг. В 1920 году Клемми, вероятно из-за недостаточного внимания со стороны вечно занятого мужа, впала в тяжелую многомесячную депрессию. Впоследствии приступы депрессии повторялись, и все по той же причине. Клемми несколько раз уезжала отдыхать одна. Дочь Мэри характеризовала свою мать как женщину «с натянутыми как струна нервами» и «неуравновешенным характером».

В декабре 1943 года Черчилль застрял в Тунисе с воспалением легких, усугубленным сердечным приступом. Он был тронут приездом Клемми. Но сама она с улыбкой сказала доктору: «О да! Он очень рад моему приезду, но через пять минут и не вспомнит, что я здесь». А дочь Сару отец успокоил довольно своеобразно: «Не волнуйся, если я умру: война уже выиграна!»

У Уинстона и Клементины родились сын Рэндольф (1911–1968) и четыре дочери: Диана (1909–1963), Сара (1914–1982), Маригольд (1918–1921) и Мэри (баронесса Сомс) (1922). Политическую карьеру, хотя и не слишком успешно, пытался сделать только Рэндольф, в 1940–1945 годах являвшийся депутатом палаты общин от консервативной партии. Он начал писать многотомную академическую биографию отца, но успел завершить только два первых тома. Диана в 1939–1945 годах служила в женской вспомогательной службе королевского военно-морского флота, дважды была замужем, но неудачно, а потом покончила жизнь самоубийством из-за тяжелого нервного расстройства. Маригольд в возрасте трех лет умерла от септицемии, Сара (в первом браке фон Самек, во втором браке Бочамп, в третьем браке Тьючет-Джессон, баронесса Одли) во время войны служила в женской вспомогательной службе королевских ВВС, затем стала актрисой и танцовщицей и страдала от алкоголизма. Ее любовная связь с женатым американским послом в Лондоне Джоном Гильбертом Винантом закончилась самоубийством последнего после их разрыва в 1947 году. Мэри в годы войны служила во вспомогательной территориальной службе и получила ранг «младшего командира», что соответствует армейскому капитану. Она сопровождала своего отца в качестве адъютанта в нескольких заморских путешествиях. Мэри также написала биографию своей матери.

Предвоенные годы

После январских выборов 1910 года Черчилль возглавил Министерство внутренних дел. 15 февраля 1910 года он заявил коллегам по кабинету: «Пришло время упразднить верхнюю палату». Черчилль также стал президентом «Бюджетной лиги», которая возглавила уличную агитацию против палаты лордов. В результате в 1911 году был принят компромиссный закон, согласно которому палата лордов была лишена абсолютного права вето. Тогда же был принят закон о страховании по болезни и безработице.

Став шефом МВД, Уинстон всерьез озаботился проблемой улучшения условий содержания заключенных. В то же время незаконные забастовки Черчилль всегда подавлял весьма жестко, видя в них угрозу государственной стабильности. Он не колеблясь отдал приказ о подавлении незаконной забастовки шахтеров Южного Уэльса с помощью полиции и армии, чем разочаровал своих друзей на левом фланге либеральной партии, тем более что в ходе подавления забастовки двое рабочих погибли.

В сентябре 1911 года Черчилль был назначен военно-морским министром. Еще в августе он представил кабинету записку, где излагал свою точку зрения на возможное возникновение и ход германо-французской войны. А в том, что такая война скоро начнется, Черчилль нисколько не сомневался. Он был убежден, что Англия ни в коем случае не должна оставить Францию один на один с агрессором, поскольку именно Германия является главным геополитическим соперником Британской империи. Если Германия сокрушит Францию, Лондону будет очень трудно сохранить свою империю. По признанию Черчилля, сделавшись морским министром, он «не мог думать ни о чем, кроме приближающейся войны». Новый министр сразу же провел масштабные реформы на флоте, добившись его перевода с угля на нефть и поощряя строительство новых линкоров класса «супердредноут», повысив главный калибр их орудий до 15 дюймов. Он отменил телесные наказания, поднял жалованье матросам и открыл им путь для производства в офицеры, а также сделал воскресенье выходным днем на флоте. Чтобы гарантировать поставки нефти, Черчилль убедил правительство установить финансовый контроль над Англо-персидской нефтяной компанией, вложив в нее 2 млн фунтов стерлингов, и добился одобрения этой сделки парламентом. В 1914 году, еще до начала войны, Черчилль заключил договор о поставках иранской нефти англо-иранской нефтяной компанией для нужд британского флота. Он следующим образом характеризовал различия между ролью военного флота для Англии и для Германии: «Для Англии флот – жизненная необходимость, а для Германии – предмет роскоши и орудие экспансии. Как бы силен ни был наш флот, он не страшен самой маленькой деревушке на Европейском континенте. Но надежды нашего народа и нашей империи и все наши ценности, накопленные за века жертв и подвигов, погибли бы, окажись под угрозой господство Англии на море. Только британский флот делает Соединенное Королевство великой державой. Германия же была великой державой, с которой считался и которую уважал весь цивилизованный мир еще до того, как у нее появился первый военный корабль».

В конце 1912 года было достигнуто соглашение с Францией о распределении зон ответственности флотов на Средиземном и Северном морях в случае возникновения войны с Германией, что позволило сконцентрировать главные силы британского флота для операций против Германии. Черчилль утверждал: «Самым поздним сроком начала войны нужно считать осень 1914 года». И он не ошибся в своем прогнозе.

Руководить военно-морским министерством Черчиллю явно пришлось по душе. В те годы профсоюзный лидер и будущий министр продовольствия и внутренних дел Джон Роберт Клайнз утверждал, что «Черчилль всегда оставался солдатом в штатском». Также английский историк Эли Халеви считал, что «в душе этот либеральный, даже ультралиберальный политик всегда был солдатом».

Черчилль стал отцом военно-морской авиации, которая уже во Второй мировой войне благодаря появлению авианосцев стала играть решающую роль в боевых действиях на море. Хотя первоначально Черчилль предполагал использовать самолеты главным образом для морской разведки. Но вскоре будущий британский премьер одним из первых оценил боевой потенциал авиации, предложив установить на самолетах пулеметы, торпеды и приспособления для сбрасывания бомб. Ему также еще до начала Первой мировой войны пришла в голову идея создания авианосцев. Не случайно первый авианосец в мире был построен в Англии. Черчилль также стал инициатором создания самолета, способного взлетать с водной поверхности и садиться на нее, и он же придумал название этой машины – «гидросамолет».

Вскоре после прихода в Адмиралтейство Черчилль сам поднялся в воздух в качестве пассажира, а потом заявил: «Сейчас самолеты хрупки и ломки, но, поверьте мне, настанет день, когда они, сделавшись надежными, будут представлять огромную ценность для нашей страны». Его любовь к Королевским ВВС отразилась в том, что в годы Второй мировой войны Черчилль имел звание почетного командора ВВС и чаще всего щеголял в мундире офицера авиации.

В 1912–1913 годах Черчилль с энтузиазмом брал уроки пилотирования, совершая до десяти вылетов в сутки. Летал он и на дирижаблях. Потом он восторженно говорил жене: «Это удивительное транспортное средство. Им так легко управлять, что мне даже в течение целого часа разрешили побыть первым пилотом». Впрочем, настоящим асом Уинстон так и не стал. Пилотировал он самолет довольно уверенно, но с взлетом и посадкой все время возникали проблемы. Черчиллю мешали замедленная реакция и излишняя эмоциональность. Для пилота он был недостаточно хладнокровен. После нескольких авиакатастроф, происшедших с его друзьями-пилотами, Клементина безуспешно пыталась убедить Уинстона поменьше летать: «Заклинаю тебя, не поднимайся в воздух этим утром – обещали сильный ветер, и вообще сегодня не самый удачный день для воздухоплавания».

«Тебе не о чем беспокоиться, – успокоил супругу Черчилль. – На аэродроме одновременно взлетают по двадцать самолетов, и тысячи вылетов обходятся без единого несчастного случая».

Но тут же добавил: «Ты так хорошо меня знаешь. С помощью своей интуиции ты видишь все мои достоинства и недостатки. Иногда мне кажется, что я способен завоевать целый мир, но я тут же понимаю, что я не более как тщеславный дурак... Твоя любовь ко мне – самое великое счастье, выпавшее на мою долю. Ничто в этом мире не может изменить мою привязанность к тебе. Я хочу стать лишь еще более достойным тебя».

Уинстон продолжал полеты почти до самого начала Первой мировой войны, совершил 140 вылетов и готовился сдать экзамен на самостоятельное пилотирование, но не успел. Клементина как раз ждала третьего ребенка, и он не хотел, чтобы она нервничала из-за его полетов. Главное же с началом Первой мировой войны первому лорду Адмиралтейства (так официально именуется в Англии военно-морской министр) Черчиллю стало не до пилотирования.

Как отмечает германский историк Дитрих Айгнер, «без сомнения, в это время наряду с Ллойдом Джорджем он был самой яркой звездой на политическом небосклоне Англии, как и всякая незаурядная личность, вызывал споры, а порой и враждебность. Но он обладал немалым весом в высших политических кругах и имел хорошие перспективы для того, чтобы продолжать восхождение к самой вершине. Надо было только искоренить свою юношескую поспешность и обуздать присущее ему высокомерие».

Однако очень скоро карьера и популярность Черчилля подверглись суровым испытаниям.

Начало Первой мировой

Начало Первой мировой войны Черчилль встретил с воодушевлением. Он надеялся, что она позволит ему проявить себя не только как действительно великий политик и полководец (точнее, флотоводец). «Я заинтересован, увлечен и просто счастлив», – признавался он в письме жене 28 июля 1914 года. Премьер Асквит запомнил Черчилля в дни кризиса, приведшего к войне, «в очень воинственном настроении», а секретарю кабинета Морису Хенки показалось, что «Черчилль прямо-таки изголодался по войне». В этот критический момент морской министр был одним из немногих членов правительства, кто решительно выступал за войну против Германии, которую он ожидал уже три года. 2 августа, не будучи еще уполномочен кабинетом, он распорядился завершить мобилизацию флота. А в узком кругу наиболее влиятельных министров Черчилль высказывался категорически против отсрочки вступления Британии в войну, поскольку война все равно неизбежна, а любое промедление будет выигрышем для Германии, делавшей ставку на «молниеносную войну».

В то же время отъезжавшему из Лондона влиятельному германскому бизнесмену, владельцу крупнейшей в мире судоходной компании «Гамбург-Америкалайн» Альберту Баллину, Черчилль 27 июля при прощании заявил: «Мой дорогой друг, давайте не будем воевать!» Но это была всего лишь уловка, призванная посеять у правящих кругов Германии иллюзию, что Англия воевать не будет. Черчилль рассчитывал таким образом надежнее втянуть Германию в мировую войну.

С началом Первой мировой войны Черчиллем был возвращен на пост первого морского лорда Адмиралтейства (фактически это была вторая по значимости должность в Адмиралтействе, на которую всегда назначался профессиональный военный моряк) адмирал сэр Джон Арбетнот Фишер, ушедший в отставку в 1910 году. Он выступал за проведение операций на германском побережье Балтийского моря, что Черчилль справедливо считал авантюрой, способной лишь привести к большим потерям британского флота из-за минной опасности и атак подводных лодок.

Черчилль надеялся вызвать германский флот на бой и разгромить его в генеральном сражении. Но более слабый германский флот пока что избегал встречи с британским «Грэнд Флитом». Громких побед на море в ближайшее время не предвиделось, и Черчилль решил попытаться счастья на суше.

3 октября 1914 года он прибыл в Антверпен и лично возглавил оборону города, который бельгийское правительство предлагало сдать немцам. Порт Антверпен, окруженный поясом укреплений, обороняла бельгийская армия, и Черчилль предложил срочно направить туда британские войска, командование которыми он готов был взять на себя, чтобы не отдать порт противнику и обеспечить защиту остальных портов Северного моря на побережье Бельгии и Франции – от Остенде до Кале. По просьбе военного министра лорда Китченера он привлек к обороне кадровую бригаду морской пехоты и две военно-морские бригады, только что сформированные из моряков, плохо экипированные и слабо подготовленные к сухопутным боям.

Во время обстрелов Антверпена Черчилль невозмутимо разгуливал под пулями, несмотря на беспокойство своего помощника-адмирала. Черчилль отправил телеграмму в Лондон, в которой сообщал о своей готовности оставить Адмиралтейство, чтобы на месте руководить британской армией. Он уверял премьера Асквита: «Речь идет не о политической карьере, а только о военной славе».

Разрешение Черчиллю, на его счастье, не было дано. Антверпен пал 10 октября, причем погибло 2,5 тыс. бельгийских солдат, 17,5 тыс., в том числе многие раненые, попали в плен, а еще 33 тыс. бельгийских и 1500 британских военнослужащих были интернированы в Нидерландах. Еще 7 тыс. бельгийских и британских военнослужащих смогли переодеться в гражд-

данское платье, а затем, будучи интернированными в качестве гражданских беженцев, смогли бежать в Англию и продолжить борьбу. Потери британского контингента в Антверпене составили 57 убитых, 138 эвакуированных раненых, 1479 интернированных в Нидерландах и 936 пленных. Черчилля обвиняли в неоправданной трате ресурсов и жизней, хотя многие отмечали, что оборона Антверпена помогла англичанам удержать Кале и Дюнкерк.

Если бы Черчиллю разрешили принять командование над обороной Антверпена и остаться в осажденном городе до конца, он бы, по всей видимости, погиб, попал в плен или, вероятнее всего, был бы интернирован в Нидерландах до конца войны. Но даже в последнем случае продолжение политической карьеры оказалось бы под вопросом, поскольку после возвращения из Нидерландов или из плена его место в правительстве было бы уже давно занято, и не факт, что ему предоставили бы новый министерский портфель. Шанс на политическое выживание у него оставался бы только в том случае, если бы ему удалось оказаться среди тех 7 тыс. интернированных в Нидерландах, кому удалось бежать в Англию в первые недели после интернирования.

Неудача в Дарданеллах

Черчилль в конце 1914-го и в начале 1915 года был горячим сторонником проведения Дарданелльской операции – захвата черноморских проливов и Стамбула (Константинополя), что, по его мнению, привело бы к капитуляции Османской империи и открыло бы путь для прямых поставок вооружений и военных материалов в Россию через Средиземное и Черное моря. Вместо того чтобы, по его выражению, «жевать колючую проволоку» и жертвовать десятками тысяч жизней на Западном фронте, Черчилль предлагал использовать преимущество британского флота и обойти с фланга Центральные державы. Таким образом можно было попытаться сокрушить их самое слабое звено – Турцию. Таким образом, Дарданелльская операция задумывалась как операция по оказанию помощи России и должна была решающим образом переломить ход войны в пользу Антанты. Эта операция во многом предпринималась в ответ на просьбы из Петрограда о помощи, так как в русской армии ощущалась острая нехватка артиллерийских снарядов и других боеприпасов.

Стратегический замысел предложенной Черчиллем операции был хорош, но вот ее исполнение оставляло желать много лучшего. Военный опыт Черчилля практически ограничивался ротным уровнем, к тому же в весьма специфических условиях колониальных войн. Он никогда не руководил ни большими группировками сухопутных войск, ни силами флота в боевых условиях. Поэтому Черчилль сперва наивно думал, что для падения Константинополя хватит чисто морской операции с небольшим десантом морской пехоты, но эксперты убедили его, что без высадки значительных сухопутных сил не обойтись. Однако операция готовилась в большой спешке и в условиях, когда английское и французское командование стремилось минимизировать численность войск, снимаемых с Западного фронта.

Британцы недооценили оборонительные возможности турок, которым помогали германские советники и германские корабли – линейный крейсер «Гебен» и крейсер «Бреслау», а главное, недооценили минную опасность. Вообще будущий театр боевых действий был практически не разведан.

13 января 1915 года было принято решение о проведении Дарданелльской операции. Первоначально рассчитывали обойтись небольшим десантом морской пехоты. 19 февраля англо-французская эскадра из 6 линкоров и линейного крейсера весь день обстреливала турецкие форты в районе Проливов, но не смогла нанести им существенного вреда. 18 марта более мощная англо-французская эскадра, войдя в пролив Дарданеллы, подавила турецкие форты и прорвалась в Мраморное море, но потеряла при этом на минах четыре броненосца. Еще два броненосца были повреждены. Это была слишком высокая цена за несколько устаревших фортов, на которых было потеряно только 8 орудий и которые турки к тому же смогли частично восстановить, поскольку немедленной высадки десанта не последовало. Турецкий гарнизон Стамбула в феврале 1915 года насчитывал 34,5 тыс. человек с 263 орудиями и 8 пулеметами. Если бы в тот момент союзники могли бы высадить тот десант, который они высадили в апреле, они, наверное, смогли бы овладеть турецкой столицей. Но в тот момент французы и британцы еще не собрали силы для десанта.

Атака британской пехоты в ходе Дарданелльской операции

Пришлось разрабатывать масштабную десантную операцию, которая последовала 25 апреля. В первой волне на полуостров Галлиполи должны были высадиться 12 тыс. пехотинцев. Из них более 3 тыс. оказались убиты или ранены. Всего же в первый день из союзной группировки в 81 тыс. человек было потеряно убитыми и ранеными 18 тыс. человек. Начались затяжные бои, ряды франко-британского экспедиционного корпуса редели от болезней. Уже 17 мая Черчилля убрали из Адмиралтейства, назначив на малозначительный министерский пост канцлера Ланкастерского герцогства. Двумя днями ранее был уволен с поста первого военноморского лорда адмирал «Джекки» Фишер, на которого также возложили ответственность за провал Дарданелльской операции и назначили на малозначительную должность председателя правительственного бюро по изобретениям и исследованиям.

Имела ли Дарданелльская операция шансы на успех, и могла ли она решающим образом повлиять на ход Первой мировой войны? Думаю, что на оба вопроса можно ответить положительно, оговорившись, что создать условия для ее успеха в конкретных обстоятельствах весны 1915 года было очень трудно. Цель вывода из войны Турции, сохранения фронта против Австро-Венгрии на Балканах и широких поставок в Россию через Проливы была вполне достижима. Турция и турецкие войска были внутренне слабы, а германских войск на территории Османской империи тогда еще не было. Но слабость турок сыграла с союзным командованием, и в частности с Черчиллем, злую шутку. Он решил, что можно действовать быстро и обойтись сравнительно небольшими силами.

Шансы на успех у Дарданелльской операции были, но только при условии, если бы она была тщательно подготовлена и проводилась с использованием значительных сил и средств. Надо было сразу высаживать на Галлиполи мощный десант, а союзный флот – оснастить необходимым числом тральщиков. Для того чтобы это сделать, требовалось несколько месяцев на подготовку, в том числе создание достаточной группировки британских и французских десантных судов в Средиземном море, способной высадить уже в первой волне десанта в районе Проливов не менее 6 дивизий (120 тыс. человек, т. е. в 10 раз больше, чем было в реально-

сти высажено в первой волне), и иметь наготове еще полумиллионную группировку для развития успеха в последующие дни. Эти силы были бы в состоянии быстро разбить 5-ю турецкую армию, оборонявшую Проливы, и овладеть Стамбулом (Константинополем). Тогда бы не пришлось тратить значительное число судов и ресурсов на снабжение морским путем высаженного на Галлиполи экспедиционного корпуса в течение полугода. Но для этого надо было предварительно сосредоточить все необходимые сухопутные и морские силы, включая десантные суда, не тратить время и ресурсы на чисто морские операции против Дарданелл, стоившие больших потерь, но не принесшие сколько-нибудь существенных результатов.

И здесь, пожалуй, больше виноват был не Черчилль, а адмирал Фишер. Он не был энтузиастом Дарданелльской операции, но, когда решение о ее проведении было принято, Фишер, как военно-морской профессионал с колоссальным опытом, должен был настоять на бесполезности чисто морской операции и указать Черчиллю, сколько сил и средств необходимо сосредоточить для успешной высадки и захвата Стамбула.

На практике в Дарданелльской операции союзникам пришлось использовать 610 тыс. человек, из которых 490 тыс. пришлось на страны Британской империи, а 120 тыс. – на Францию и ее колонии в Северной Африке, тогда как турки противопоставили им не более 450 тыс. человек.

На практике же происходило очень постепенное наращивание численности десанта, что давало время туркам как следует подготовиться к отражению атак союзников, подбрасывая подкрепления и боеприпасы.

В случае успеха Дарданелльской операции картина войны могла бы радикально измениться. После капитуляции Турции Сербия и Черногория вполне могли бы с помощью англо-французских войск удерживать фронт против Австро-Венгрии. Болгария в этом случае наверняка не выступила бы на стороне Центральных держав, как это она в действительности сделала, когда стал ясен неуспех Дарданелльской операции, а либо сохранила бы нейтралитет, либо присоединилась бы к Антанте. Также к Антанте уже в 1915 году присоединилась бы Румыния. В Россию бы весной 1915 года потек широкий поток военных грузов, а русские войска, освободившиеся на Кавказском фронте, укрепили бы фронты против Австро-Венгрии и Германии. В результате поражение русских армией весной – осенью 1915 года было бы гораздо менее серьезным, и они остановились бы западнее тех рубежей, на которых в действительности оказались. В результате у Антанты были бы все шансы заставить Германию и Австро-Венгрию капитулировать уже к концу 1916 года. Тогда не было бы ни революции в России, ни Второй мировой войны, по крайней мере в том виде, в каком она была в действительности.

В феврале 1915 года в интервью парижской «Матэн» Черчилль заявил, что борьба будет вестись до полной капитуляции Германии и что врага будут душить так долго, пока у него не остановится сердце.

А на самом деле в ноябре 1915 года франко-британские войска, так и не сумев захватить Стамбул, были эвакуированы с Галлиполийского полуострова. Эвакуация завершилась 8 декабря. К тому времени удержание Галлиполи потеряло всякий смысл. В сентябре Болгария выступила на стороне Центральных держав. Австро-германские и болгарские войска разгромили Сербию и Черногорию. Теперь была установлена территориальная связь между Турцией и ее союзниками, так что захват англо-британскими войсками Стамбула уже ничего бы не решил, да и на практике оказался невозможен. Теперь войска из Галлиполи эвакуировали для нового Салоникского фронта.

В ходе Дарданелльской операции британские потери убитыми и умершими от ран и болезней составили 34 072 человека, французские – более 10 000, австралийские – 8709, новозеландские – 2721, индийские – 1358 и ньюфаундлендские – 49 человек, а всего 56 707 человек. Потери ранеными составили соответственно у Англии – 78 520 человек, у Франции – 17 371, у Австралии – 19 441, у Новой Зеландии – 4752, у Индии – 3421, у Ньюфаундленда – 93 чело-

века, а всего – 123 598. Кроме того, англичане потеряли 7654 пропавшими без вести. Общие боевые потери союзников составили 187 959 человек, включая 64 361 – безвозвратные. Потери Англии и стран Британской империи эвакуированными больными составили около 90 тыс. человек, а французской армии – около 20 тыс. человек. Вместе с эвакуированными больными общие потери союзников достигают около 298 тыс. человек. Турки потеряли, по оценке союзников, 74 635 убитыми и 110 194 ранеными. По турецким же данным, общие потери турецкой армии не превышали 218 тыс. человек, в том числе 66 тыс. убитыми. Потери турецкой армии в боях за Дарданеллы в период с 4 апреля по 19 декабря 1915 года составили 595 офицеров и 56 048 солдат убитыми, 1018 офицеров и 95 989 солдат ранеными и 27 офицеров и 11 151 солдат пропавшими без вести, а всего 164 828 человек. Было эвакуировано 64 400 больных. С добавлением эвакуированных больных турецкие потери составят 229 268 человек. По турецким данным, около 21 тыс. раненых и больных умерли в госпиталях. Тогда общие безвозвратные потери турок можно оценить в 88,8 тыс. человек. Общие потери союзников в 1,3 раза превышали потери турок – за счет большого числа больных. А вот по безвозвратным потерям соотношение было в пользу союзников – 1,38: 1.

Позднее, в мемуарах «Мировой кризис», Черчилль утверждал, что во время войны генералы и адмиралы почти всегда ошибались, тогда как гражданские политики почти всегда действовали правильно. Но объективный анализ Дарданелльской операции приводит к выводу, что ошибки в равной мере совершали и те, и другие.

В 1969 году Клементина рассказывала Мартину Гилберту, автору наиболее фундаментальной биографии Черчилля в восьми томах (первые два тома написал сын Черчилля Рэндольф): «Провал в Дарданеллах преследовал Уинстона в течение всей жизни. После ухода из Адмиралтейства он считал себя конченным человеком. Он думал, что никогда больше не вернется в правительство. Я думала, что он никогда больше не придет в норму, и боялась, что он умрет от горя». В тот раз Черчилль вышел из депрессии благодаря обращению к живописи, ставшей его любимым хобби. Тогда в Саррее он создал несколько неплохих пейзажных акварелей. Сам Черчилль признавался: «Я даже не знаю, как бы я смог пережить эти ужасные месяцы с мая по ноябрь, когда ушел из кабинета министров, если бы в мою жизнь не вошло это новое большое увлечение. Все лето я самозабвенно рисовал. Нет другого такого рода деятельности, которая полностью отвлекала бы от мрачных мыслей. Вот, например, гольф. Он совершенно не подходит для этой цели. Играя партии, я большую часть времени думаю о делах. Даже между чаккерами в поло то и дело мелькают печальные мысли. В живописи же все иначе. Я не знаю какого-либо другого занятия, которое, абсолютно не изматывая тело, настолько полно поглощает ум. Какие бы заботы ни принес день, какие бы угрозы ни таило в себе будущее, едва картина начинает рождаться, все тревоги отступают, для них больше нет места в голове. Они уходят в тень и исчезают во мраке».

Всего за более чем 40 лет занятий живописью Черчилль создал около 500 картин.

15 ноября 1915 года Черчилль ушел из правительства и отправился на Западный фронт, в звании майора будучи назначен в штаб 2-го батальона полка гвардейских гренадеров. Некоторое время спустя был произведен в подполковники и с 1 января 1916 года стал командовать 6-м батальоном Шотландских Королевских Фузилеров во Фландрии и оставался на этом посту вплоть до мая 1916 года. Черчилль хотел командовать бригадой, но ему в этом было отказано. Лорд Дидс позднее объяснил, почему Черчилль рвался на фронт: «Он был с гвардейскими гренадерами, в штабе которых царил сухой закон. Они предпочитали чай с молоком, который не производил никакого впечатления на Черчилля. Зато на фронте, в траншеях, был разрешен алкоголь. Поэтому он сказал полковнику, что ему надо увидеть больше на войне, и таким образом попал на линию фронта. Полковнику этот поступок Черчилля очень понравился». Он не боялся лезть под пули, заявляя окружающим: «Глупо укрываться от той пули, которая уже просвистела. Раз она вас не задела, значит, она предназначена не вам». Черчилль был гуман-

ным и заботливым командиром, и солдаты его батальона искренне расстроились, когда он их покинул.

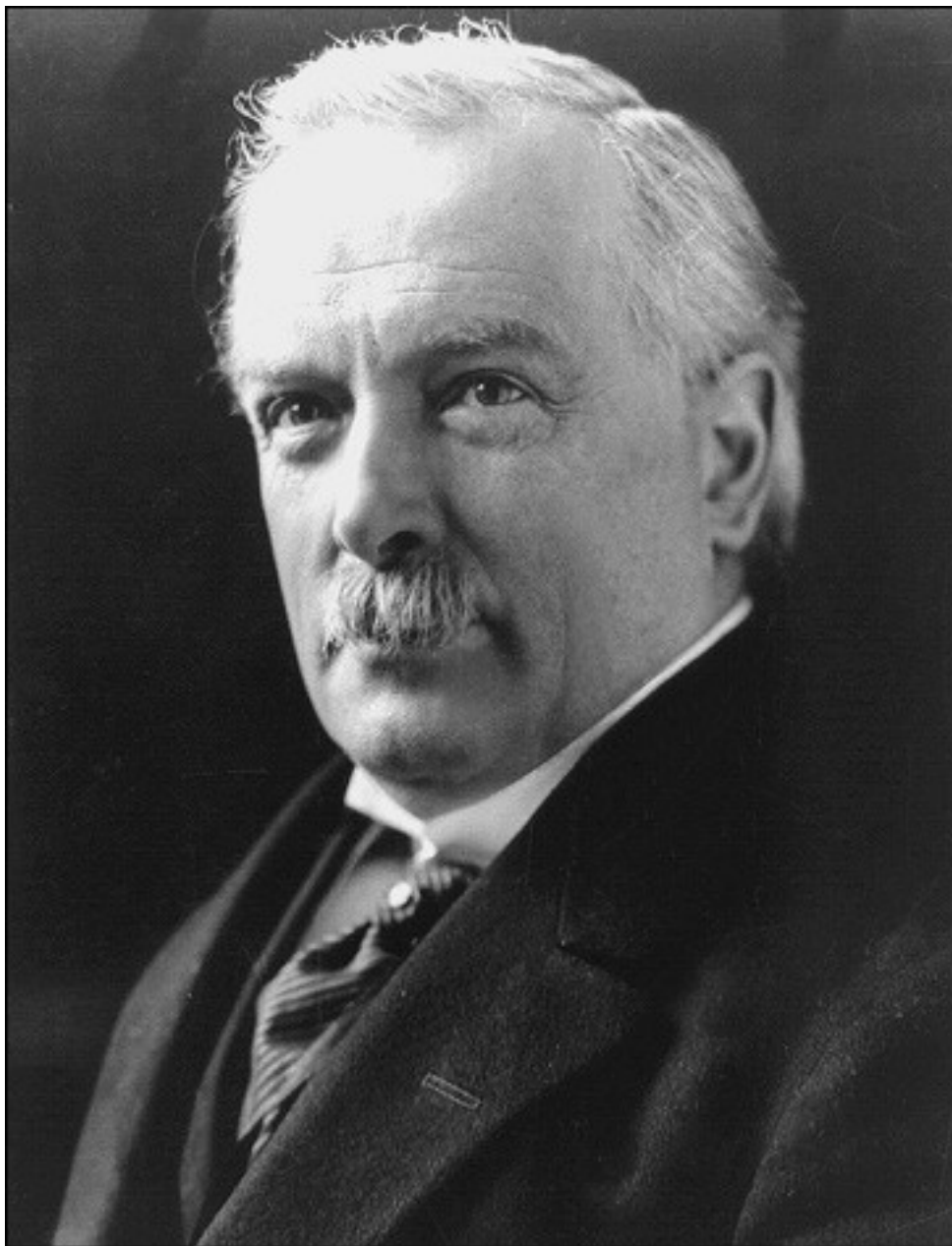
Черчилль писал одному из своих друзей о днях, проведенных на фронте, что «ведет веселую жизнь с милыми людьми, абсолютно счастлив и свободен от забот и не может вспомнить, переживал ли еще когда-нибудь такие приятные три недели».

Когда Черчилль отправился на Западный фронт после ухода из правительства, была идея присвоения ему звания бригадного генерала, что дало бы ему некоторые возможности для проявления полководческого таланта. Однако производству Черчилля в генералы категорически воспротивился тогдашний командующий британскими экспедиционными силами во Франции и Бельгии генерал Дуглас Хейг, так что военная карьера будущего премьера не состоялась. Наверное, и к лучшему. Все-таки главным призванием Черчилля, при всей многогранности его личности, была политика, где ему предстояло исполнить великую миссию – привести Англию к победе во Второй мировой войне, спасти Туманный Альбион от порабощения Гитлером.

Командуя батальоном шотландских стрелков, Черчилль нарисовал четыре картины: одну – в укрытии а три – непосредственно на линии огня. На солдат и офицеров батальона подобное спокойное мужество произвело чрезвычайно сильное впечатление. Каждый раз, когда батальон оказывался на линии фронта, Черчилль невозмутимо делал зарисовки, не обращая внимания на неприятельский огонь.

Новый старт

Когда в декабре 1916 года Ллойд Джордж встал во главе правительства, он решил вернуть Черчилля в состав кабинета, несмотря на противодействие консерваторов. В начале 1917 года Черчилль выступил в парламенте с обзором военного положения. А 16 июля 1917 года он был назначен министром вооружений, хотя и не был еще введен в состав узкого военного кабинета.

Дэвид Ллойд Джордж

В качестве председателя «Комиссии по сухопутным кораблям» (Landships Committee) Черчилль принял участие в разработке первых танков и создании танковых войск. Весной 1917 года он говорил: «Машины могут заменить людей... Различные механизмы способны сделать человека сильнее, служить опорой венцу творения». Танки должны были уменьшить потери и стать главным средством для обеспечения прорыва германского фронта на западе. И в «черный

день» германской армии, 8 августа 1918 года, Черчилль присутствовал при танковой атаке союзников, которая привела к прорыву германского фронта.

Когда в июле 1918 года начались волнения среди рабочих военных заводов, Черчилль сразу же пригрозил забастовщикам отправкой на фронт, убив стачку в зародыше.

После капитуляции Германии в ноябре 1918 года коалиция Ллойда Джорджа победила на парламентских выборах в декабре 1918 года, на которых впервые право голоса получили женщины. Но теперь либеральная партия раскололась на группу Асквита, перешедшую в оппозицию, на новую самостоятельную лейбористскую партию, основой которой стало левое крыло либералов, и на сторонников Ллойда Джорджа. В результате три четверти портфелей в кабинете Ллойда Джорджа досталось консерваторам. Черчилль понял, что конец либеральной партии не за горами.

После выборов Черчилль перешел в министерство по военным делам и авиации. Ему пришлось решать трудную задачу – демобилизацию миллионов британских военнослужащих. Новый министр отменил прежнюю практику, когда из армии увольняли прежде всего тех, в ком остро нуждалась промышленность и кого поэтому призвали в армию последними. Теперь демобилизация осуществлялась строго в соответствии со сроком службы и пребывания на фронте. Таким образом удалось избежать недовольства старослужащих. В первую очередь увольнялись военнослужащие ранних призывов. В течение полугода из вооруженных сил были уволены три миллиона человек. В том, что демобилизация прошла без каких-либо социальных потрясений, была большая заслуга Черчилля.

Черчилль не раз говорил о необходимости «задушить большевизм в колыбели». Став в июле 1917 года министром вооружений, он был одним из инициаторов британской военной интервенции в России после того, как там в ноябре 1917 года победили большевики. Ленина он называл «чудовищем, карабкающимся по пирамиде, сложенной из черепов», а большевистское учение – «философией ненависти и смерти». И предупреждал: «В конечном счете коммунистический нигилизм ведет к тому, что большевики разрушают все, что попадает на их пути... Они, как вампиры, высасывают кровь из своих жертв». Как считал Черчилль, России не на что надеяться, пока «гнусная шайка фанатиков-космополитов продолжает держать за волосы и тиранить русский народ». Его вывод был однозначным: «Большевистская тирания – самая страшная в истории человечества, самая разрушительная и постыдная».

У Черчилля даже был план, согласно которому несколько десятков тысяч солдат англо-французского экспедиционного корпуса должны были соединиться с белыми армиями и свергнуть большевиков. После окончания Первой мировой войны он действовал под лозунгом: «Мир с немецким народом, война с большевистской тиранией!»

Однако очень скоро стало ясно, что солдаты, особенно французские, сыты по горло Первой мировой войной и вмешиваться в гражданскую войну в России не имеют никакого желания. Пришлось ограничиться оставлением британских, французских и других союзных войск в Мурманске, Архангельске и Владивостоке и снабжением белых армий вооружением и боеприпасами, но это оказалось недостаточно для их победы. С конца 1919 года, после поражений армий Деникина и Колчака, Англия по настоянию Ллойда Джорджа вообще прекратила помощь белым армиям, хотя оптимист Черчилль еще 21 октября 1919 года видел «убедительные основания полагать, что русский народ за короткий период времени положит конец большевистской тирании».

«Германию, – писал Черчилль 23 ноября 1919 года, – не следует теснить дальше на восток все более жесткими репарационными требованиями, так как на востоке она может найти все, в чем нуждается. “Лига побежденных народов” вполне может замыслить войну; поэтому, сохраняя высочайшую бдительность, надо предупредить опасность альянса между русскими и немцами; мы должны непрестанно наблюдать за Германией, в военном плане держать ее под кон-

тролем и с помощью экономических поощрений опять ввести ее в содружество европейских народов».

Однако в ноябре 1919 года, несмотря на горячие протесты Черчилля, кабинет принял постановление о выводе британских войск из России и приостановке какой-либо помощи белым, которые к тому времени уже потерпели поражение и были обречены.

Чтобы британские рабочие не заболели «русской болезнью», Черчилль выступал за развитие социальных программ. В то же время ему так и не удалось убедить премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа начать полномасштабную интервенцию с использованием в боевых действиях десятков и сотен тысяч британских солдат. Премьер сознавал, что британская армия очень устала за годы Первой мировой войны и вряд ли будет в восторге, что ей вновь придется воевать, теперь против России, которая еще вчера была союзницей по Антанте, причем воевать в ходе интервенции, цели которой были совершенно неясны миллионам жителей Соединенного Королевства.

В конце июля 1920 года под впечатлением поражений, которые поляки потерпели от Красной армии в ходе советско-польской войны, Черчилль писал: «Немцам открыт путь к покаянию за преступления в мировой войне, они должны образовать защитный вал, охраняющий мирную, законопослушную, упорядоченную жизнь от потока варварства, который бушует сейчас на востоке. Оказав таким образом себе и своим бывшим противникам на западе эту услугу, продиктованную не страстью к военным авантюрам, а жадной славой, они, без сомнения, сделают большой шаг по пути к собственному освобождению».

Однако поляки смогли разгромить Красную армию и без германской поддержки. Хватило помощи от Франции, США и Румынии. А вот Англия даже в условиях критического военного положения Польши никакой помощи ей не оказала. Черчилль не сумел переубедить Ллойда Джорджа, который как раз в это время вел переговоры с Советской Россией о заключении торгового соглашения.

При активной поддержке Черчилля в 1921 году для военного министерства была принята предпосылка, положенная в основу бюджетного законодательства и гласившая, что «Британская империя в течение ближайших десяти лет не будет вовлечена ни в какую крупную войну и не будет необходимости в экспедиционных войсках». Так и получилось, если считать с 1921 года. Но беда в том, что это положение неизменно повторялось из года в год, вплоть до середины 30-х годов. И все это время приходилось увеличивать реальные военные расходы. А когда рост германской военной угрозы заставил отказаться от столь оптимистического взгляда на будущее, Англия уже существенно отстала от Германии в гонке сухопутных и авиационных вооружений.

Став военным министром и по совместительству министром авиации, Черчилль решил завершить свою летную подготовку и сдать экзамен на пилота. 18 июля 1919 года он вместе со своим инструктором, асом Первой мировой войны полковником Джеком Скоттом, попал в аварию. Когда Уинстон стал поднимать самолет в воздух, на высоте около 20–25 метров машина вдруг начала резко терять скорость. Скотт взял управление на себя, но тщетно – самолет перешел в свободное падение. К счастью, он не успел набрать высоту, а Скотт перед самым падением смог отключить мотор, что предотвратило возгорание. Черчилль вспоминал: «Я увидел под собой залитый солнцем аэродром и успел подумать, что у солнечных бликов какой-то зловеющий оттенок. И тут я понял, что это Смерть». Но Уинстону, как всегда, повезло. От удара о землю его выбросило из кабины, но все ограничилось легкой контузией и несколькими ссадинами на лице. Скотт же получил более серьезные повреждения. После этого инцидента Черчилль внял наконец просьбам жены и других своих родных и навсегда завязал с пилотированием.

В 30-е годы Черчилль будет ратовать за создание эффективной системы ПВО, станет одним из инициаторов разработки радаров. Уже во время Второй мировой войны он предло-

жил разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы радарные станции противника не могли распознать самолеты, поскольку фольга оставляла на экране примерно такой же след, как и летящий строй самолетов. Черчилль также изобрел навигационный прибор, позволяющий пилотировать машину в условиях плохой видимости. И он по-прежнему много летал, но теперь уже в качестве пассажира.

В связи с тем, что роль военного министерства после заключения мира значительно ослабла, в феврале 1921 года Черчилль перешел в министерство колоний. Сразу после прихода на этот пост он созвал в Каире конференцию всех британских представителей на Ближнем Востоке, попытавшись урегулировать политические вопросы с арабскими лидерами британских подмандатных территорий и санкционировал правление Хашимитских династий в Трансиордании и Ираке.

Однако нерешенным оставался палестинский вопрос. Черчилль хотел избежать открытого конфликта с исламским миром, но в то же время симпатизировал сионизму и дружил с доктором Хаимом Вейцманом, одним из лидеров сионистского движения, отстаивавшим идею общности британских и еврейских интересов. 8 февраля 1921 года Черчилль опубликовал статью «Сионизм против большевизма», где утверждал, что еврейский народ может реализовать свой потенциал в Палестине до того, как на родине погромов, в России, он превратится в носителя всемирного разрушительного движения. Черчилль поддерживал еврейскую колонизацию Палестины, но не знал, как примирить ее с требованиями палестинских арабов о создании здесь арабского государства.

В Ирландии Черчилль провел переговоры с партией «Шин фейн», боровшейся за независимость. Ему удалось добиться того, что 6 декабря 1921 года ирландские лидеры подписали наконец договор о разделе острова на Ирландскую республику и Северную Ирландию, населенную преимущественно протестантами и оставшуюся в составе Соединенного Королевства. Этого удалось достичь благодаря тому, что британская армия и формирования полицейского резерва из бывших кадровых военнослужащих, так называемые черно-пегие (названные так, поскольку носили армейские штаны цвета хаки и черный полицейский мундир), нанесли поражение партизанским отрядам ирландских националистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.